

КЕМАЛЬ-БАБАЙ— ДѢДУШКА КЕМАЛЬ.

(КАРАДАГСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Не искалъ почета, не искалъ золота; искалъ правду. Когда увидѣлъ—ушла правда, тогда умеръ Кемаль-бабай. Сколько лѣтъ было Кемаль-бабаю, не знали. Думали—сто, можетъ быть, двѣсти.

Онъ жилъ такъ долго, что вся деревня стала родней; онъ жилъ такъ много, что дряхлое ухо не различало шума жизни, а глазъ пересталъ слѣдить за ея суетой.

Иногда о немъ забывали, и только, когда весеннее солнце заливало золотомъ лучей вершины Карадага, вспоминали, что онъ живъ.

— Опять идетъ на гору.

Кемаль-бабай шель, чтобы омыть лицо весенней струей изъ родника.

Навстрѣчу неслись гимны аромата цвѣтовъ; легкій бризъ игралъ, лаская землю; радость бытія наполняла существо.

Кемаль-бабай прислушивался къ доходящимъ ощущеніямъ и въ нихъ искалъ себя.

Старый, дряхлый Кемаль-бабай, ноги котораго еле двигаются и руки съ трудомъ поднимаются для молитвы, ты ли тотъ самый Кемаль, который въ бурную ночь плыль между скалъ къ кораблю, чтобы предупредить объ опасности. Смѣлый Кемаль, не боявшійся самымъ сильнымъ и богатымъ говорить въ лицо слово правды; Кемаль, котораго изгнали изъ девяти странъ, ибо, кто говоритъ правду, того изгоняютъ изъ девяти государствъ, какъ потомъ сталъ говорить народъ.

Катилась жизнь твоя, Кемаль, какъ бурная рѣка, пока не нашель пріюта въ бѣдной деревушкѣ.

Кто знаетъ коранъ лучше муллы, кто понимаетъ арабскую книгу, кто побываль въ Меккѣ и Стамбулѣ—тотъ мудрый человѣкъ. А мудраго человѣка не тронуть въ деревнѣ.

И вотъ долго живетъ Кемаль подъ Карадагомъ, много весень прошло; и каждую весну идетъ на гору, къ ручью, гдѣ дѣлаеть на деревѣ зарубку.

Потомъ сочтеть—сколько лѣтъ ждалъ правду на землѣ. Потому что все ждеть ее чистый духомъ чловѣкъ.

Такъ думалъ Кемаль-бабай, спускаясь въ долину, когда вечерняя синева бѣжала по склонамъ вслѣдъ за уходящимъ свѣтомъ дня.

Такъ шли годы, много уже зарубокъ на дубѣ, до вѣтвей дошли.

И вотъ пришло время зноя, какого не знали раньше. Солнце выжгло траву, засушило листь; вымерли ручьи; воздухъ жегъ дыханіе.

Молились въ мечети; спрашивали Кемаль-бабая:

— Что будетъ?

— Покажется мѣсяць, пойдетъ дождь, землю зальетъ. Горе будетъ.

Ждали люди. Сверкнулъ серебристый серпъ на безоблачномъ небѣ,—не похоже было на дождь.

— Плохой пророкъ Кемаль-бабай.

Но за ночь набѣжавшія тучи потушили огни звѣздъ, блеснула разгнѣванная молнія, загрохоталъ перекатомъ по горамъ громъ; понеслись по землѣ странные голоса и дикимъ ревомъ загудѣлъ ливень. Не было еще такого.

— Правду сказалъ Кемаль-бабай!

Испугались люди.—Горе будетъ, сказалъ.

И насталь ужась.

Хлынулъ на деревню бѣшенный потокъ съ горъ и унесъ въ море всѣхъ, кто не успѣлъ бѣжать. Обезумѣлъ богатый Велли. Клялся все вернуть, что отнял у сосѣда,—и домъ и садъ, если найдется дочь. Старый Муслядинъ умолялъ помочь ему,—всѣ долги простить. И было чистое сердце у нихъ. И вспоминали имя Аллаха, даже кто никогда не произносилъ его. Ибо было горе кругомъ, и не надѣялись на себя.

Молились въ мечети; ждали, что скажетъ Кемаль-бабай.

Какъ въ арабской книгѣ читаль Кемаль-бабай въ ихъ сердцахъ; зналъ, что думали и, казалось ему, что стала близка правда.

Вышелъ на крыльцо, посмотрѣлъ туда, гдѣ завернулся въ облако Карадагъ. Чудился ему свѣтъ зеленый, какъ чалма Пророка.

Смотрѣли люди—не видѣли.

Прислушался Кемаль-бабай. Сверху, съ неба ли, съ горъ,—неслись радостные голоса.

Слушали люди—не слышали.

А черезъ день тамъ, куда глядѣлъ Кемаль-бабай, засверкалъ солнечный лучъ.

Прошла бѣда, пришли въ себя люди.

Многихъ не стало. Взяли себѣ сосѣди ихъ землю и благодарили Аллаха, что не ихъ постигла гибель.

Почувствовалъ Кемаль-бабай, что убѣгаетъ правда и началъ корить людей.

Больше всѣхъ обидѣлъ бѣдныхъ кохтебельскій мурзакъ, больше всѣхъ кориль его; запретилъ деревенскимъ ходить къ нему.

А когда иные пошли тайкомъ,—отвернулся отъ нихъ въ мечети.

— Кто съ ворономъ пируетъ, у того не бываетъ чистаго клюва!

Растерялся мурзакъ, не зналъ, что дѣлать. Досталъ изъ сундука кисеть съ червонцами и понесъ ночью къ Кемаль-бабаю.

— Не срами только.

Швырнулъ червонцы Кемаль-бабай.

— Уходи!

Упалъ мурзакъ передъ старикомъ, сталъ просить.

— Скоро умрешь, на всю деревню сдѣлаю поминки, на могилѣ столбъ съ чалмой поставлю; много денегъ дамъ имамамъ; скажутъ имамы:—Кемаль-бабай была святой, Кемаль-бабай—азись. Все сдѣлаю, похвали людямъ меня.

Понялъ Кемаль-бабай слова мурзака, отвернулся отъ него. Закипѣлъ гнѣвомъ мурзакъ, какъ ужаленный бросился на старика и началъ бить его.

— Скажи, что сдѣлаешь, какъ хочу. Или убью тебя.

— Убей, хрипѣлъ Кемаль-бабай, переставая дышать.

Пришли на утро люди и увидѣли, что умираетъ Кемаль-бабай. Ничего не сказалъ, что случилось съ нимъ. Зналъ, что не нужно больше корить мурзака. Зналъ, что ночью занемогъ мурзакъ и больше жить не будетъ.

Спросили люди: не надо ли чего и гдѣ схоронить его.

— Тамъ, гдѣ упадетъ моя палка.

— Вѣроятно бредитъ старикъ, думали.

Но, собравъ послѣднія силы, поднялся Кемаль-бабай, перешагнувъ порогъ бросилъ кверху свою палку, зашатался и испустилъ духъ.

А палка высоко взвилась къ небу и полетѣла на Карадагъ.

Побѣжали за ней и нашли у ручья.

Тамъ и схоронили святого.

И, схоронивъ, сосчитали, сколько было зарубокъ на деревѣ.

— Девяносто девять...

Рѣшили, что было Кемаль-бабаю сто лѣтъ и сдѣлали сотую.

Настало хорошее время. Горы покрылись зеленой травой. Быстро оправились тощія стада. Не возвращались на ночлегъ домой, ночевали въ горахъ, и по ночамъ чабаны видѣли зеленый свѣтъ на могилѣ Кемаль-бабая. Посылалъ мулла провѣрять,—сказали, что правда.

— Уже не въ самомъ ли дѣлѣ азись Кемаль-бабай?

Ждали чудесъ.

И случились чудеса.

Изъ Отузъ, Козъ и Капсихора привозили больныхъ. Многимъ помогало.

Тогда имамы объявили Кемаль-бабая азисомъ.

И немощные стали приходять со всѣхъ сторонъ Крыма.

Приходят и теперь. Привозят больных из Алушты и Ускута, из Акмечети и Бахчисарая. Говорят, всем помогает, кто приходит с чистой душой.

Всю жизнь искал правды Кемаль-бабай; кто придет к нему с правдой, тому поможет он.

Потому что Кемаль-бабай—азись, святой.

